

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Материалы международной конференции
«Типология морфосинтаксических параметров 2014»

Выпуск 1

Москва
МГГУ им. М. А. Шолохова
2014

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под редакцией Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Рецензенты: к. ф. н. О. И. Беляев, д. ф. н. Я. Г. Тестелец. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. — 272 с. ISBN 978-5-8288-1555-5

А. М. Галиева

НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ, Казань

ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩАЯ СЕМАНТИКА В СИСТЕМЕ ТАТАРСКИХ ПАДЕЖЕЙ¹

1. Введение

В языке осуществляется дискретизация континуального мира, его анализ и синтез, а наиболее существенные знания об устройстве мира объективируются, классифицируются и фиксируются в грамматике языка. Агглютинативный характер тюркских языков — наличие регулярных аффиксов, выражающих представления о типовых и регулярных связях между сущностями мира, позволяет исследовать на научной основе категоризацию в языке явлений мира и способов их формального выражения, исходя из структуры аффиксальной цепочки. Различия на морфологическом уровне должны отражать обобщенные характеристики, учитывающие важнейшие когнитивные и прагматические аспекты восприятия и оперирования с реальностью. Синтаксические отношения, выражаемые падежными аффиксами, имеют семантическое прототипическое ядро, которое и является объектом нашего исследования. Но значения падежных аффиксов не являются атомарными, а являют собой сложный комплекс представлений о мироустройстве.

В существующих грамматиках татарского языка [Закиев и др. (ред.) 1993; Татар грамматикасы 2002] семантика падежей представлена довольно поверхностно, особенно это касается таких емких по значению падежей, как аккумулятив и генитив.

В системе косвенных падежей татарского языка мы выделяем формы двух основных типов: «чистые» и синкретичные.

«Чистые» падежи — группа форм с базовыми пространственными значениями: директив — *агачка* ([к] дереву), *ташка* ([к]) камню), локатив — *агачта* (в/на дереве), *ташта* (в/на

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РТ (проект № 14-14-16031а(р)).

камне), аблатив — *агачтан* (из/от дерева), *таштан* (из/от камня). В татарском языке актанты и сирконстанты в большинстве случаев морфологически не различимы, поэтому значение адресата здесь может быть рассмотрено как частный случай выражения пространственных отношений. Пространственные падежи выражают преимущественно обстоятельственные значения и сочетаются с глаголами. Значение определенности здесь не актуализировано.

Синкретичные падежи сочетают в себе значение определенности (индивидуализирующая или идентифицирующая семантика) и другие важнейшие типы значений (объектные и определительные отношения). Еще одна важнейшая особенность синкретичных падежей — они в татарском языке системно чередуются с номинативом. «Чистые» падежи не имеют таких системно выраженных корреляций с номинативом.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с семантикой синкретичных падежей, в частности, влияние морфолого-синтаксических и семантических факторов на возможность чередования аккузатива и генитива с номинативом.

Примеры взяты из Татарского национального корпуса «Туган тел».

2. Аккузатив

Аккузатив — форма со значением определенности объекта, на который направлено действие: *ташны алу* (взять [этот] камень), *агачны утырту* (посадить [это] дерево). Компонент значения ‘направленность действия на прямой объект’ в винительном падеже увязан с семой ‘определенность объекта’ (в отличие от формы основного падежа, который указывает на неопределенность объекта в аналогичных конструкциях, на референцию к любому члену класса: *таш ал* (возьми [какой-нибудь] камень), *агач утырт* (посади [какое-нибудь] дерево).

В большей части контекстов в татарском языке допустимо чередование аккузатив/номинатив. Коррелят в основном падеже обычно представляет собой номинацию действия как такового, обычно типичного, повторяющегося: *аш пешеру* (варка супа, варить суп), в отличие от *ашны пешеру* (варить данный суп в данном случае). Когда нет необходимости номинировать действие

как типичное или характерное для кого-либо или в какой-либо ситуации, используется аккузатив, который выражает конкретный, привязанный к ситуации (детерминированный) характер действия.

Основной функцией аккузатива является обозначение прямого объекта, второго актанта при переходном глаголе. Переходные глаголы татарского языка не привязаны к какому-либо семантическому классу и включают множество различных лексико-семантических групп, в частности: глаголы созидания: *ясау* (делать, изготовить), *төзү* (строить), *утырту* (сажать), *үстерү* (выращивать), *тудыру* (рожать); глаголы разрушения: *юк итү* (уничтожить), *вату* (сломать), *тар-мар итү* (разгромить), *үтерү* (убить), *жимерү* (разрушить); глаголы со значением изменения объекта: *буяу* (покрасить), *кыскарту* (укоротить), *очлау* (сделать острым, заострить); глаголы перемещения объекта: *күчерү* (двигать) *кюю* (положить, поставить), *илтү* (отнести, отвезти), *түгү* (вылить); глаголы эмоционального отношения: *ярату* (любить), *хөрмәт итү* (уважать); глаголы интеллектуальной деятельности: *белү* (знать), *тану* (узнавать), *өйрәнү* (изучать); посессивные глаголы со значением отторжения и присвоения: *сатып алу* (купить), *сату* (продать), *бүләк итү* (подарить); глаголы со значением восприятия и ощущения: *ишетү* (слышать), *сизү*, *тою* (чувствовать) и т. д. Переходными являются все каузативные глаголы, вне зависимости от того, идет ли речь о морфологических и лексических каузативах.

Рассмотрим основные случаи, когда нет чередования номинатив/аккузатив.

1. Личные местоимения допускают только аккузатив, но не номинатив:

мине (акк.) *күрү* (*белү*, *тану*, *сайлау*) — меня видеть (узнать, выбрать).

Семантика местоимений предполагает определенность; которая заложена либо в самом местоименном слове (1-е и 2-е лицо указывают на непосредственных участников коммуникации), либо нормой является то, что местоимение используется вместо уже упомянутого имени (3-е лицо единственного и множественного числа), когда задействованы анафорические связи, устанавливающие кореферентность

имени/местоимения.

2. Вопросительное местоимение *кем?* (кто? — о лицах) также не предполагает чередование аккузатив/номинатив, так как номинатив в таких конструкциях всегда указывает на субъекта действия:

Кем (ном.) *күрде?* — Кто видел?

Кемне (акк.) *күрде?* — Кого видел?

3. Указательные местоимения: *моны* (акк.) *ал* (возьми это), *тегене* (акк.) *сайла* (выбери тот).

4. Существительные с аффиксом принадлежности:

китабымны ал (возьми мою книгу), *китабын ал* (возьми его/ее книгу).

5. Некоторые классы лексики, например, слова, обозначающие единичные понятия:

а) конкретные существительные: *айны*, *кояшыны күрә* (видит луну, солнце);

б) абстрактные или собирательные существительные, обозначающие классы, включающие единичные понятия:

дөньяны белә (знает мир);

табигатьне күзәтә (наблюдает природу);

кешелекне ярата (любит человечество);

в) термины родства: *әнине ярата* (любит маму), *абыйны хөрмәт итә* (уважает брата).

г) имена собственные (являются идентифицирующими по определению): *Дамирны очрата* (встретил Дамира).

6. Слова, обозначающие людей, при переходных значительно чаще используются в форме аккузатива, нежели слова других семантических классов, но жесткой необходимости использовать только аккузатив при указании на лиц в татарском языке нет:

кунак (ном.) *каршылау* — встретить гостя/гостей (вообще);

кунакны (акк.) *каршылау* — встретить гостя (известно, о ком идет речь, хотя бы в самом общем виде).

7. На выбор аккузатива оказывают влияние наличие описательных выражений разного типа в препозиции к существительному:

— указательные местоимения: *бу китапны ал* (возьми эту книгу), *теге китапны куй* (положи ту книгу), *ул китапны кара*

(посмотри ту книгу);

— притяжательные местоимения:

минем кипатны ал (возьми мою книгу);

— кванторы всеобщности — *барлык, бар, бөтен* (весь, все),
һәр, һәрбер (каждый);

бөтен эйберне карый (смотрит все [все вещи]);

һәр эйберне урынына куя (каждую вещь кладет на место).

— порядковые числительные: *икенче китапны ал* (возьми вторую/другую) книгу

— атрибутивные группы разного типа: *кызыл тышлы китапны ал* (возьми книгу с красной обложкой, *өстәлдәге бер китапны ал* (возьми одну из книг на столе).

Но само по себе наличие определения не предполагает использование только формы аккузатива, выбор обусловлен ситуацией:

ак яулык (ном.) *сатып ал* (купи [любой] белый платок).

Часто при аккузативе встречается сочетание определений разного типа: «*Илһамнар чиймәсе*» *дигән бу затлы китапны* (эту ценную книгу под названием «Родник вдохновения»).

В большей части контекстов форма винительного падежа используется по отношению к объектам, которые уже упоминались. Когда выражение, впервые указывающее на референт, вводится в форме винительного падежа, как правило, в препозиции к существительному в винительном падеже дается предваляющее дескриптивное выражение:

Каһирәдә нәшер ителгән китапны (акк.) *шартлы рәвештә ике өлешкә бүләргә мөмкин* (Книгу, **изданную в Каире**, условно можно разделить на две части).

8. При отделении существительного, обозначающего прямой объект, от переходного глагола (даже если нет определений и предшествующих упоминаний о референте):

Гадәттә, китапны (акк.) ***бер тапкыр*** *укысаң...* (обычно, если прочитать книгу один раз...);

бу юлы Азат китапны (акк.) ***өч атналап*** *тотты* (в этот раз Азат продержал книгу три недели);

Ильяс китапны ят куллар эҗитмәс урынга яшереп куйды (Ильяс спрятал книгу туда, куда не доберутся чужие руки).

В татарском языке является нормой, когда прямое

дополнение непосредственно предшествует переходному глаголу (порядок слов SOV), при таком порядке слов предложение легко декодируется вне зависимости от того, номинативом или аккузативом выражается прямой объект. В случаях, когда прямой объект оказывается отделен от своего глагола, порядок слов уже не способствует однозначно правильному пониманию предложения, и возникает необходимость в дополнительном маркировании прямого объекта, что и достигается выбором аккузатива.

В подобных случаях можно говорить о топиализации — вынесении отрезка предложения в его начало, если информация, заключенная в отрезке, является темой [Тестелец 2001: 134], тем не менее фрагмент с аккузативом в таких случаях обычно следует все же за подлежащим, а не ставится в абсолютное начало предложения.

При отделении существительного в аккузативе от переходного глагола в большинстве контекстов существительное предшествует глаголу (см. примеры выше), но встречаются также контексты, когда существительное в аккузативе следует после глагола:

күрдем дә бит бу төшине (акк.) — хотя я и видел этот сон.

Однородные дополнения в предложении могут быть в аккузативе, так и номинативе:

Ул абзам *берәр китапны* (акк.) *укуганда* да, *берәр фаҗигале хәбәр* (ном.) *ишеткәндә дә, еламый калмый иде*. Этот мой дядя не мог не плакать и при чтении какой-либо книги, и при упоминании о каком-либо трагическом происшествии.

Выбор нужной формы в ряде случаев определяется глаголом.

Глаголы, обозначающие процесс познания и изучения, в большей части корпусных контекстов сочетаются с именами в аккузативе:

табигатьне күзәтү (наблюдать природу);

чынбарлыкны танып белү (познавать действительность);

йолдызларны өйрәнү (изучать звезды).

Рассмотрим некоторые глаголы со значением речевого взаимодействия, сочетающиеся обычно с аккузативом.

Сәләмләү (приветствовать) — объект ритуала приветствия вовлечен непосредственно в речевой акт, находится в поле зрения

субъекта.

Котлау, тэбрикләу, тэбрик иту (поздравлять) — известен объект и повод для акта поздравления.

Юату (утешать) — известны объект и причина акта утешения.

Синонимический ряд *каргау, каргышлау, каһәрләу, нэләтләу* (проклинать) — известны объект и причина акта проклятия.

Все приведенные глаголы — это глаголы, обозначающие конкретные действия, возможные только тогда, когда тот, на кого направлено действие, так или иначе идентифицирован, известны причины и социальная обусловленность совершаемых действий.

Чередование с номинативом допускают глаголы, описывающие ситуацию, когда номинация действия как такового более важна, чем указание на конкретного референта:

кунак чакыру (звать гостей),

кунак кабул иту (принимать гостей),

тун сатып алу (купить шубу).

Приведенные выше примеры являются номинациями важного действия в рамках лингвокультурного или социального кода. Здесь имена употребляются нереферентно, указывая не на объект действительности, а на характер деятельности.

Способность аккузатива дифференцировать слова по критерию лица/нелица можно рассматривать как частный случай свойства «дифференциального объектного маркирования», или «раздельного обозначения объектов» в зависимости от семантического класса имени [Кустова 2011].

Сочетания *номинатив* (указывающий на прямой объект) + *глагол* часто являются номинацией для ситуации или формы деятельности и не имеют коррелята с аккузативом. Приведем несколько примеров подобного рода:

бәби кәтү (ожидать/ждать младенца) — ожидать рождения ребенка (эвфемизм для обозначения состояния беременной женщины), прагматически невозможно сочетание с аккузативом **бәбине кәтү* (младенец не самостоятелен);

сарык (*сыер, бозау, ат*) *кәтү* (пасти овец/коров/телят/лошадей), но не **сарыкны* (*сыерны, бозауны, атны*) *кәтү* (действие по выпасу единичного конкретного жи-

вотного прагматически бессмысленно); в то же время возможны сочетания во множественном числе *сыерларны (бозауларны, атларны) көтү* (речь идет об уже известной группе животных).

Итак, аккузатив используется для указания на конкретный, актуализированный в данной ситуации объект, а форма номинатива — при описании неопределенного, не выделенного ситуативно объекта. Жестко заданный порядок SOV позволяет четко дифференцировать семантического субъекта от объекта при использовании двух форм номинатива, т. к. и без аффиксального маркирования объекта семантические роли заданы препозицией Агенса и примыканием Пациенса непосредственно к глаголу.

Не случайно, что категория определенности, выражаемая в связанном виде в словоизменительном аффиксе, оказывается реализована именно для падежной формы, выражающей прямой объект — объект, непосредственно вовлеченный в сферу деятельности человека, объект манипулирования, восприятия или познания.

3. Генитив

Генитив выражает идею определенности и одновременно широкий круг определительных отношений — факт синтаксической связи словоформы с другим элементом (элементами) синтаксической структуры предложения. В наиболее общем виде генитив выражает отношения между объектами в широком смысле: *китап-ның тышы* (обложка [этой] книги), *кеше-нең тавышы* (голос [этого] человека или собирательно голос человека как представителя класса, противопоставленного другим классам), *таш-ның асты* (нижняя часть [этого] камня), а также связь между действием и его субъектом: *бала-ның елавы* (плач [этого] ребенка); то есть генитив выступает как релятивизатор в широком смысле.

Аффикс родительного падежа функционирует не в изолированных словоформах, а является составной частью именного словосочетания — изафета-3: *таш-ның аст-ы* (модель: основа_1-ның + основа_2-ы), поэтому генитив может быть рассмотрен также как компонент своего рода сложной прерывистой морфемы, состоящей из аффикса генитива и аффикса принадлежности 3 лицу: ...-ның ...-ы.

Показательно, что аффикс притяжательности сохраняется даже в том случае, если генитив предшествует слову со значением признака, а не предмета:

Алманың тәмлесен бир (Дай вкусное яблоко, буквально: Дай яблоко из вкусных);

Китابның калынына сузылды (Протянул руку к толстой книге, буквально: Протянул руку к книге из толстых).

Противопоставленными являются формы: основной падеж и генитив в одних и тех же коллокациях: *авыл кызы* (деревенская девушка) — *авылның кызы* (девушка из [этой] деревни).

Генитив обязателен:

1) при кванторах всеобщности (если квантор относится к первому существительному, а не к сочетанию первого и второго существительного):

барлык кешеләрнең өе (дома всех людей);

һәр крестьянның өе (дом каждого крестьянина);

2) при наличии определения ко второму существительному:

кыргызның киез өе (войлочный дом киргиза);

Казанның данлы университеты (славный университет Казани);

Мөззәз апаның жәйлек өе (летний домик тетушки Муазаз).

Генитив используется в конструкциях, не похожих на конструкции, которых используется аккузатив, и не подчиняется правилам для аккузатива.

Так, имена собственные в изафетных конструкциях не требуют генитива:

Казан университеты (Казанский университет);

Галәви өе (дом Галяви);

Гөлшатлар өе (дом Гульшат [и ее близких]).

Местоимение *кем?* (кто?) также не требует обязательного генитива:

Аның бу якта булганы юк иде, һәм бу йортларның нинди йорт, кем йорты булуын да ул, билгеле, белми иде... (Н.Фаттах). Он не был в этих краях и, естественно, не знал, какие дома, чьи дома находятся здесь.

Аналогичным образом термины родства не требуют обязательного генитива при изафете:

Атам-анам (ном.) *йорты өчен Булса мең жаным фида* (Дэрдменд). Для дома родителей можно тысячекратно пожертвовать жизнью.

Сопоставление сочетаний с номинативом с аналогичными конструкциями с генитивом показывают, что между ними нет полной синонимии. Сочетания с номинативом выражают качественно-характеризующий, постоянный признак:

кояш нуры (солнечный свет), *ата йорты* (отчий дом)

Сочетания с генитивом передают отношения между двумя предметами, которые могут иметь относительный и временный характер, при этом сохраняется представление о каждом предмете с его особенностями:

кояшың нуры (лучи солнца);

атаның йорты (дом отца).

Таким образом, несмотря на то, что в татарском языке нет специального маркера для определенности, синкретичные падежи позволяют выражать идею актуализации и детерминации имени применительно к широкому кругу явлений мира, и во многих случаях такое маркирование является обязательным; приведенные примеры показывают, что для татарского языка определенность и неопределенность являются членами одной оппозиции.

Основной падеж противостоит аккузативу и генитиву как форма отвлеченно-предметного дополнения и отвлеченно-предметного определения формам конкретно-предметного дополнения (винительный падеж) и конкретно-предметного определения (родительный падеж). Синкретичные падежи можно рассматривать как своего рода падежи со встроенными артиклями. Выбор форм аккузатив/номинатив или генитив/номинатив определяется совокупностью факторов — морфолого-синтаксических, семантических или прагматических.

При помощи грамматических средств, используемых категорией определенности, осуществляется идентификация предмета или явления, выделение его из массы ему подобных, актуализация в речевом действии.

Категория определенности — категория прагматическая, ситуационно зависимая, следовательно, прагматика включена в систему грамматических форм — падежных аффиксов. При этом объект или явление мира могут квалифицироваться как опреде-

ленные или неопределенные только в зависимости от уровня вовлеченности субъекта/говорящего в ситуацию.

Литература и источники

- Закиев (ред.) 1993 — М. З. Закиев и др. (ред.). Татарская грамматика. Т.2. Морфология / РАН, АН Татарстана, Ин-т яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова; Казан. Науч. центр. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993.
- Татар грамматикасы 2002 — Татар грамматикасы. Т. 2. М.: ИНСАН, Казан: ФИКЕР, 2002.
- Татарский национальный корпус «Туган тел» (http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/?interface_language=ru).
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Кустова 2011 — Г. И. Кустова. Винительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.